

ЭНЗИМ МИЗАНТРОПИИ

Тюкмаева А.М.

*Тюкмаева Аида Маратовна – студент,
направление: идея национальной независимости, основы духовности и права,
исторический факультет,
Ташкентский педагогический университет им. Низами,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: *в представленной статье исследуется феномен мизантропии как формы индивидуальной резистентности к человеческим порокам и сознательной оппозиции в отношении подавляющего большинства. Детальный анализ различных подходов к пониманию явления человеконенавистничества позволяет выявить факторы и силы, детерминирующие актуализацию и универсализацию массовой антипатии в общественном пространстве. Выявляется взаимосвязь между увеличивающейся плотностью населения и степенью агрессии, провоцирующей уголовно-правовую дезорганизацию.*

Ключевые слова: *мизантропия, человеконенавистничество, резистентность, индивидуализм, нонконформизм, основная травма, размножение.*

*Человек – незаметный, слишком высоко о себе мнящий животный вид,
время которого, к счастью, ограничено;
жизнь на земле в целом – мгновенье, эпизод, исключение без особых последствий,
нечто, что пройдет бесследно для общей физиономии земли [1].
Фридрих Ницше*

Мизантропия как здоровая реакция адекватных меньшинств на бессознательную массу человеческого вида – спасательная шлюпка в эпоху тотального исчезновения homo sapiens.

Мизантропия в переводе с греческого означает «човеконенавистничество» и вмещает в себя спектр различных дефиниций. Являясь конкретным свойством отдельного индивида, мизантропия диагностируется как сознательная оппозиция в отношении подавляющего большинства.

Переломный момент всей мировой истории вдохновил родоначальника русского экспрессионизма Андреева к созданию масштабного по своему содержанию произведения, описывающего буржуазную Европу накануне первой мировой войны. Перевоплотившись в человеческое тело и приняв вид американского миллиардера Вандергуда, Сатана очутился в гуще мирского бытия среди представителей разных социальных сословий. Осознание отвратительности человеческого существования, воплотившего в себя все возможные формы продажности и разложения, предательства и лжи, фальшивости и лицемерия, обратили главного противника небесных сил, представляющего собой олицетворение зла, в невинное и безобидное создание. Сардоническое обращение Фомы Магнуса к Властелину Преисподней во всем своем содержании отражает антиципацию порочности и беспредела человечества: «Если ты Сатана, то ты и здесь опоздал... Надо было приходить раньше, а теперь земля выросла и не нуждается в твоих талантах. Я не говорю о себе, который так легко обманул тебя... Не говорю о Марии. Но посмотри на этих скромных и маленьких друзей моих и устыдись: где в твоём аду ты найдешь таких очаровательных, бесстрашных, на все готовых чертей?» [2].

Невозможность освобождения людей от системы господствующих ценностей, воплотивших в себе апофеоз подлости и разрушения, свидетельствуют о том, что человечество уже давно переплюнуло Дьявола в своих ипостасях. Произведение Андреева как эпистолярная пощечина современному человеку, руководствующимся принципом радикального паразитизма, вызывает у адекватного читателя тошнотворные конвульсии к природе человеческого бытия. Фокус человеконенавистничества в контексте подавления собственного имманентного изнеможения, приобретает положительные свойства, позволяющие максимального редуцировать человеческие пороки.

Вызвавшая общественный резонанс комедия Мольера «Мизантроп», изобличив психологию отдельного человека в системе общественных отношений, оказала огромное влияние на дальнейшее развитие и понимание феномена человеконенавистничества. Внутреннее противостояние распутству и разложению, ввергнутое в чрезвычайную оппозицию к слабосилию и подчинению порокам, провоцирует у субъекта тотальную резистентность к их обладателям – людям.

Не желающий мириться с грузом человеческих изъянов главный герой – Альцест парадоксальным образом не в силах обнаружить собственных недостатков, обратив их в предмет повсеместной критики. Безуспешные попытки откровенности в вербализации людских недостатков и оправдания неверности возлюбленной – Селимены, бесповоротно подрывают веру Альцета в ценность человека. Мизантроп в комедии Мольера, вопреки исходящим критическим порывам и оскорбительным нападкам, воплощает в себе символ прямоты и добродушия, стремящегося преодолеть превратности судьбы.

Фридрих Ницше, анализируя явление человеконенавистничества, объясняет возникновение мизантропии как результат пресыщения людьми: «Мизантропия и любовь. Лишь тогда говорят о том,

что пресытились людьми, когда не могут их больше переваривать, хотя желудок еще заполнен ими. Мизантропия есть следствие слишком ненасытной любви к людям и «людоедства» – но кто же просил тебя глотать людей, как устриц, мой принц Гамлет?» [1].

Чрезмерное взаимодействие индивидов как самоочевидное условие коммуникации, складывается в результате инкорпорации субъекта в социальное бытие, генерируя обстоятельства пресыщения и тошноты.

Платон в уста Сократа вкладывает следующее объяснение возникновения мизантропии:

«Рассуждение-ненавидение и человеко-ненавидение происходят одним и тем же образом, а именно: последнее рождается в душе от сильного к кому-нибудь доверия, не основывающегося на искусной рассудительности, когда, то есть, мы почитали человека совершенно справедливым, искренним и верным, а потом, немного спустя, нашли его лукавым, неверным, и тому подобное. И кто испытывал это часто, особенно же от тех, которых считал самыми близкими и короткими друзьями, тот, многократно обманутый, наконец ненавидит всех и уверяется, что ни в ком нет искренности» [3].

По Платону мизантропия возникает вследствие разочарования – несоответствия ожиданий и реальности, подрывающих моральный облик наблюдаемого субъекта.

Ярчайший античный мизантроп – Гераклит Эфесский, войдя в историю под прозвищем «Темный», адресовал свои философские размышления лишь мудрым, используя туманные формулировки, отпугивающие чернь. Упоминания Диогена Лаэртского описывают мыслителя как добровольного изгнанника, отчаявшегося на безлюдное существование:

«Возненавидев людей, он удалился и жил в горах, кормясь быльем и травами. А заболев оттого водянкою, воротился в город и обратился к врачам с такой загадкой: могут ли они обернуть многодожде засухой? Но те не уразумели, и тогда он закопался в бычьем хлеву, теплотою навоза надеясь испарить дурную влагу. Однако и в этом не обретя облегчения, он скончался» [4].

Насколько достоверными являются свидетельства позднеантичного историка философии о Гераклите Эфесском установить невозможно, однако не трудно определить степень осуждения его современников, устремивших на него шквал критики и насмешек.

Язвительное презрение к своим современникам проявлял и другой античный мизантроп – основатель школы кинизма Диоген Синопский, известный своими сардоническими диалогами.

«Он говорил, что у Евклида не ученики, а желчевики ; что Платон отличается не красноречием, а пусторечием; что состязания на празднике Дионисий — это чудеса для дураков, и что демагоги — это прислужники черни. Еще он говорил, что когда он видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек — самое разумное из живых существ, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, кто чванится славой или богатством, то ему кажется, будто ничего не может быть глупее человека. Он постоянно говорил: для того, чтобы жить как следует, надо иметь или разум, или петлю.

Кто-то корил Диогена за его изгнание. Несчастный! — ответил он, — Ведь благодаря изгнанию я стал философом. Кто-то напомнил: Жители Синопа осудили тебя скитаться.— А я их — оставаться дома,— ответил Диоген» [4].

Выявляя превосходство мудреца над обыкновенными людьми, киник демонстрировал позицию человеконенавистничества, приводя своих оппонентов в агрессию. Непримируемость к человеческим порокам, свойственным им недостаткам и слабостям Диоген сублимировал в словесные издевательства и оскорбления, не стесненные правилами приличия.

«Записная книжка Дьявола» Антона Шандора ЛаВея воплощает в себе колыбель мизантропии как надлежащего инструмента выживания. Размышляя о человеческом обществе, ЛаВей отдает предпочтение общению с инертными фигурами, животными и безмолвными вещами, поскольку их присутствие не вызывает у автора такого психического опустошения, которое вызывает у него человеческое общество. Признавая превосходство андроидов над «настоящими» гуманоидами, основатель «Церкви Сатаны» противопоставляет последних с точки зрения эффективности и цели использования. Преимущество андроидов заключается в том, что они создаются, программируются и используются в строгом соответствии с капризами хозяина, не требуя при этом много времени взаимодействия для спасения несуществующего эго. Их внешние параметры, по ЛаВею, могут быть скорректированы под определенные потребности Творца и уничтожены безо всяких моральных угрызений.

Австрийский психоаналитик Отто Ранк, исследуя физиологические процессы родов в своем известном труде «Травма рождения и её значение для психоанализа», продолжая традицию Фрейда, детерминирует возникновение неврозов «основной травмой», предопределяющей дальнейшее развитие индивида. Принудительное извлечение человека из материнской матки, обеспечивающей раннее райские условия существования, накладывает болезненный отпечаток на психику, обращая тяжелое переживание в источник предстоящих проблем. Степень первичной тревоги, связанной с вытеснением из благоприятной среды, генерирует имманентное разногласие в отношении возвращения во

внутриматочную обстановку и чувства наступающего страха. Преждевременные роды, сопровождающиеся различными осложнениями, представляют не только угрозу гибели плода, но и формируют механизмы психического пространства. Исходя из содержания теории о травме рождения О. Ранка, мизантропия является психофизиологическим расстройством, проистекающей из принудительного изгнания плода из внутренней среды во внешнюю.

Исследуя мизантропию как сознательную резистентность, надлежит обратить внимание на факторы и силы, обостряющие её универсализацию.

Позиция индивидуализма как личного суверенитета, предусматривающего противопоставление субъекта механизмам коллективизма, актуализирует процесс отторжения от системы массовой стандартизации. Нонконформистская интенция, характеризующая состояние изолированности в отношении господствующих парадигм, обнаруживается настоящим детерминантом данного явления. Феномен мизантропии, вытекающего из определенного состояния рассудка следует экстрагировать от антисоциального расстройства личности – социопатии. Если в основе социопатии лежит бессознательное игнорирование тех или иных общественных процессов и включенных в него субъектов, то мизантропия базируется на сознательной ненависти как формы резистентности к людским порокам. В отличие от филантропа, находящегося в услужении аффекта сострадания, детерминирующего статус альтруиста, мизантроп с высокой степенью сопротивляемости к человеческим ошибкам и изьянам пребывает в состоянии непрекращающейся борьбы. Снисхождение к отвратительной природе человека, сострадание и милосердие к бессилию обогащает общество новыми симптомами вырождения. Попытка уличить мизантропию в духе некоего психического недуга с сопутствующими симптомами шизофрении вызывает потребность поиска положительных свойств человека, отталкиваясь от которых можно было бы заключить феномен мизантропии в отрицательное свойство личности.

Наблюдаемая степень агрессии между индивидами, трансформирующаяся в социальную и уголовно-правовую дезорганизацию, напрямую зависит от уровня плотности населения определенной административно-территориальной зоны. Состояние сурового психологического климата, провоцирующего различные формы девиаций у включенных в него субъектов, формирует благоприятную почву для актуализации конфликтов и противостояний в социально-опосредованной группе. Обстоятельства учащения количества и тяжести преступлений говорят об усиленном криминальном потенциале в густонаселенных областях. Наивысшие показатели численности населения, находящие свое отражение в резистентности к нормативно-правовым нормам, способствуют усилению социальных диверсий: терроризма и экстремизма. Аффективные проявления психологической неустойчивости в условиях уплотнения масс становятся катализатором всех общественных процессов, требующих установления коммуникации. Рост общественного беспорядка, детерминированного кровопролитной конкуренцией за потребление и обладание, создает проблемы, имеющие глобальный характер. Процесс стремительного разрушения общества на примере мышинного рая «Вселенной-25» продемонстрировал экспериментальный психолог, доктор Джон Калхаун. Целью эксперимента было выявление соотношения плотности населения и социальной патологии для верификации наблюдений Томаса Мальтуса. Соорудив экспериментальную лабораторию с благоприятными условиями жизнеобеспечения, ученый поместил четыре пары здоровых, генетически безупречных мышей в систему с умеренной температурой, обилием продовольствия и механизмом самоочищения. Адаптировавшись к райским условиям жизни, грызуны принялись к активному воспроизводству. Численность популяций, удваиваясь каждые 55 дней, не встречала никаких препятствий, до тех пор, пока не достигла критической точки – 600 особей. В условиях пространственной ограниченности, обусловленной количественным уплотнением особей, возросла агрессивность, предвосхитившая насилие, гомосексуализм и каннибализм. В результате крысиное общество дифференцировалось на три группы: «нонконформистов» - нападающих, «прекрасных» - нарциссов и «среднего класса» - консерваторов. Снижение рождаемости и поедание собственных детенышей было зафиксировано после того, как общее количество особей достигло 2200. Увеличивающийся коэффициент смертности не стабилизировал положение особей во «Вселенной-25», а диаметрально противоположным образом ухудшил условия жизнедеятельности, снизив рождаемость до нуля. Исчезновение всей популяции стало решающим фактором, подтверждающим опасность бесконтрольного размножения в системе пространственной и ресурсной ограниченности. Следует подчеркнуть, что феномен человеконенавистничества особенно прогрессирует в обстановке высокой плотности населения, постепенно трансформируясь в агрессивные наступления на объекты вызывающие психологический дискомфорт.

Ежегодно увеличивающиеся демографические показатели, ведущие к возрастанию плотности населения и сужению «частной зоны», трансформируют психику индивида, побуждая его к различным формам агрессии. Безуспешные попытки расширить границы личного пространства способствуют возникновению социальных девиаций. Симптомы мизантропии, участвовавшие в регионах с высокой плотностью населения, позволяют диагностировать надвигающуюся эсхатологическую катастрофу.

Список литературы

1. *Ницше Фридрих*. Воля к власти. // Опыт переоценки всех ценностей, 2005. Москва. С. 185.
2. *Андреев Леонид*. Дневник Сатаны, 2010. Москва. С. 255.
3. *Платон*. Диалоги, 2016. Москва. С. 154.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, 1986. Москва. С. 221-333.